

ОН ИЗМЕНИЛ СЕБЕ ТОЛЬКО РАЗ. С «ИНТЕРДЕВОЧКОЙ»

Интервью с кинорежиссером Петром Тодоровским,
автором нашумевшей картины «Анкор, еще анкор!»

Маленький военный городок, затерявшийся в лесной глуши. Серый, «купринский» быт полуразложившегося гарнизона. Тоска každодневной муштры, уныние долгих зимних вечеров... И—любовь, расцветающая, словно дивный и дикий цветок, на выстуженной морозами почве.

Картину «Анкор, еще анкор!» знают все. Она удостоена главного приза на фестивале «Кинотавр», названная лучшей картиной года на «Нике», эта многолетне выношенная работа режиссера Петра Тодоровского стала важной вехой в его творческой судьбе. Сегодня наш корреспондент беседует с мастером.

— Петр Ефимович, вы снимали разные по материалу и жанрам фильмы. И все же есть в вашем творчестве некая доминанта. Я имею в виду тему войны, фронтового братства, с которой вы вошли в кино—это был фильм с символическим названием «Верность»—и которой с тех пор практически не изменяли...

— Нет, почему же, еще как изменял. Хотя бы с «Интердевочкой»... Как сейчас помню: сидел я в Доме ветеранов кино, думал, как подступиться к «Анкору...», а тут со студии привозят сценарий В. Кунина под броским названием «Проститутка». И, знаете, попутал меня черт на старости лет. Захотелось по-новому рассказать о драматичной судьбе русской женщины.

Не скрою, позже пришлось пожалеть, что связался с путанами. Я плохо знал этот специфический материал, не общался раньше с публикой, о которой предстояло делать кино. Да и фильм, несмотря на рекордные сроки, в которые он был снят, сильно запаздывал, пресса к моменту его выхода на экраны уже успела многое рассказать и про проституцию, и про наркоманию, и про прелести жизни на Западе. Спас ситуацию профессионализм группы, особенно актеров. Без них, в частности без Леночки Яковлевой, мне трудно было бы собрать кости. Слава Богу, общими усилиями выкрутились из этой непростой истории, после которой я дал себе зарок не лезть больше в модные темы, в экзотику, а снимать то, что знаю, что люблю, что пережил сам. Я понял: надо дуть в свою трубу, как бы самому ни казалось иной раз приевшейся, слишком знакомой собственной мелодия. Так я вернулся к «Анкору...», ставшему как бы венцом военной трилогии.

— Об этой картине мы еще поговорим, а сейчас я бы хотел вспомнить ваши предыдущие, может быть, менее знаменитые ленты — «Фонусник», «Городской романс», «По главной улице с оркестром»... Как вы считаете, ваша мелодия звучит в них достаточно внятно или все-таки вполсилы, вполтона?

— Я не стыжусь этих лент. Они могут кому-то нравиться, могут не нравиться, но они—мои. Я им отдал часть души, а не только толику мастерства.

Впрочем, о мастерстве применительно к этим работам говорить, может, и рано. Я ведь из операторов, ни режиссерского, ни драматургического опыта у меня на ту пору не было. До всего потихоньку доходил сам. Повезло, что меня всю жизнь окружали хорошие, талантливые люди. Известно ведь: с кем поведешься... А «водился» я с Хуциевым, Окуджавой, Поженианом, Володиным...

«Верность», например, родилась в память о моем фронтовом друге Юре Никитине, сироте, детдомовце, светлом человеке, погибшем от снайперской пули. Эта картина—как бы тихий реквием ему и нашему выкошенному войной поколению.

«По главной улице с оркестром» — тоже история из моей жизни. Но трагикомическая. Мой командир полка, чистая, наивная, но и волевая душа, решил однажды, что я должен стать композитором. И, не мудрствуя лукаво, написал директору Московской консерватории: прошу, мол, принять лейтенанта Тодоровского на композиторский факультет. И подпись: полковник такой-то. А то, что у меня ни музыкальной школы за плечами не было, ни тем более музыкального училища,—это его не

волновало. Ведь в самодеятельности-то я участвовал!

Эта забытая история всплыла как-то в моей памяти, я ее рассказал драматургу Буравскому, и потихоньку из нее вырос фильм, один из самых дорогих в моей биографии. Может, еще и потому, что здесь я написал для фильма две музыкальные темы, три песни, выступив таким образом и в роли композитора.

— Значит, не очень-то и ошибался командир полка в скрытом признании лейтенанта Тодоровского... Скажите, Петр Ефимович, с музыкой вы когда подружился? И что она значит в ваших фильмах?

— Мне стукнуло три года, когда я украл дома денег, чтобы купить себе балалайку. Вон уже когда тяга к музыке проснулась... Родители у меня были добрые, но, как говорится, простые, они не понимали, что мои музыкальные способности надо как-то развивать, поощрять.

А потом была война. Я вышел из нее задубевший, ни одной книжки в окопах прочитать не довелось. Да и после войны читал мало—в нашем гарнизоне, затерянном в лесах под Костромой, библиотеки не было. Но при этом с музыкой и в самые трудные годы не расставался. Помню, сразу после Победы был комендантом маленького городка на Эльбе. Раздобыл где-то аккордеон, с пяти утра сидел на крыльце в трусах и учился играть...

Ну а гитара... Это моя любовь, я с ней никогда не раслучаюсь. Все время что-то сочиняю. Но не специально, а так: тренькаю, бренькаю... Глядишь — мелодия и выползает. А под мелодию хорошо думается, эпизоды, сцены как бы сами собой рождаются. Так потихоньку и сценарий вытанцовывается. И не знаешь иногда, что раньше родилось: то ли музыка дала толчок драматургии, то ли жизненный материал подсказал музыкальную тему... Так было и с «Военно-полевым романом», для которого я написал «Городок провинциальный» на стихи Шпаликова, и с «Анкором»...

— Вот мы и вернулись к «Анкору...» Наверное, я не первый, кто говорит вам, что эта картина сделана в иной стилистике, тональности, чем «Верность» и «Военно-полевой роман».

— Я не задавался целью снимать не так, как раньше. Но, видимо, время скорректировало мой взгляд на мир, сделало его более объемным, что ли. Стало вдруг вспоминаться то, что покоилось на самом дне памяти: начальник СМЕРШа, при одном виде которого всех пронзал трепет, доносительство, безверие... Хотя, смею думать, что в каких-то главных

вещах я не изменился и себе не изменил. Я люблю своих героев, и даже когда, казалось бы, беспощадно иронизирую над ними—в глубине души все равно жалею.

Мне всегда важно донести до зрителей сложную полифонию жизни: чтобы трагедия согревалась юмором, чтобы драматизм соседствовал с озорством, чтобы улыбка сменялась светлой печалью. Собственно, на войне такая амплитуда переживаний нормальна, естественна. Я около года пробыл на фронте, посмотрелся на немыслимое количество смертей, жестокостей, крови... Но ведь рядом с непереносимыми ужасами было и другое: стоило возникнуть пятиминутному затишью, как начинались шутки, подковырки, анекдоты. А если приходили в часть девушки-снайперихи... Тут уже про смерть, про пули забывали все.

Вот эти воспоминания и подсказали мне тональность «Анкор...». Захотелось избежать старческого всеведующего брюжжания, потянуло сделать живое, а не анатомическое кино.

— Теперь плавно перейдем от «Анкор...» к вашему новому замыслу. О чем они?

— После «Анкор...» я год ничего не снимал. Но время даром не терял: написал два сценария. Один из них ставить не буду — просто хотелось освободиться от страшной, жуткой, обжигавшей меня истории. Написал — и полетало. А вот к постановке второго сценария недавно приступил. Называется он «Какая чудная игра». Это рассказ о моей студенческой молодости, а шире — о юности поколения, на которую пришлась война, тяжелые, скудные послевоенные годы. Впрочем, помнится мне из той поры не только трудности, но и молодое безалаберное бузотерство, и радость любви, и хмельные надежды (увы, далеко не во всем оправдавшиеся) на новую лучшую жизнь. Вот об этом сложном, во всех деталях памятном мне времени я и снимаю сейчас картину.

— Посреди жуткой, холодной зимы? В вашей-то уже немолодые годы?

— А я почти всегда зимой кино снимаю. Тому есть несколько причин. Во-первых, Россия во всем мире традиционно воспринимается как огромная земля, покрытая снегом. В одной стране я даже видел карту, где на всей территории тогдашнего СССР было крупно написано «Сибирь». Что это: базальное незнание географии? Мне кажется, это еще и свидетельство неких особых условий жизни нашего народа, краска к национальному характеру.

А во-вторых, снег всегда приносит в кадр особую чистоту: он покрывает волшебной пеленой грязь, мусор, случайные предметы. Да и актеры на морозце, под ветродуйчиком делаются резче, живее, подвижнее и в итоге — правдивее... Когда хочешь сделать хорошую картину, приходится учитывать и это...

Вел беседу
Леонид ПАВЛЮЧИК.